

Смульсон М.Л. (Ред.). Київ: Інститут психології імені Г.С. Костюка НАПН України.

12.Смульсон М.Л., Лотоцька Ю.М., Назар М.М., Дітюк П.П., & Коваленко-Кобилянська І.Г. (2015). *Інтелектуальний розвиток дорослих у віртуальному освітньому просторі: монографія*. Смульсон М.Л. (Ред.). Київ: Педагогічна думка.

13.Смульсон М.Л., Машбиць Ю.І., & Жалдак М.І. (2015). *Дистанційне навчання: психологічні засади: монографія*. Смульсон М.Л. (Ред.). 240 с. Кіровоград: Імекс-ЛТД.

14.Цап В.Й. (2012). *Застосування моделі респондента в системах дистанційного навчання*. Retrieved from http://www.newlearning.org.ua/sites/default/files/praci/Tezy-2012/Tsap_Vjacheslav_2012.doc

15.Чепелева Н.В., & Рудницька С.Ю. (2017). Нормативна модель дискурсивного самопроєктування особистості. *Наука і освіта*, № 11, 105-113. Retrieved from http://nbuv.gov.ua/UJRN/NiO_2017_11_16

16.Чепелева Н.В., & Рудницька С.Ю. (2018). Психологічна характеристика особистості, здатної до самопроєктування. *Педагогіка і психологія*, № 1, 71–77.

Моляко В. А.

Київ

Інститут психології імені Г.С. Костюка

НАПН України

СТОП-КАДРЫ ПАМЯТИ

Представим себе, что новый аспирант в нашем Институте психологии, выбравшись хотя бы на какое-то время из трясины интернета и встретив меня в наших таинственных коридорах, вдруг вместо детективного «Пароль!» спросит:

– А кто такой Ефим Израилевич Машбиць? Мне что-то где-то о нем попадалось, но я забыл... Не могли бы вы в двух словах...

– В двух словах не могу, – перебиваю я аспиранта, – могу в одном. Устроит?

– Конечно!

– Если в одном, то Е. И. Машбиць – это ФИМА.

После длинной паузы:

– Это что – кличка?

– Своего рода псевдоним, – успокаиваю аспиранта. – Как, например, у Василия Васильевича Давыдова был тоже псевдоним – ВАСЯ.

Чтобы упредить вопрос аспиранта о том, кто такой В. В. Давыдов, я иду дальше. Но все же на ходу милостиво роняю:

– У нас на первом этаже есть строго засекреченное отделение под названием «Библиотека». Если вас туда пустят, то там вы сможете кое-что узнать о Маишнице. – И чтобы продолжить интригу и зажечь хотя бы спичечный огонек мотивации у не в меру любознательного аспиранта, добавляю, – это был очень крупный резидент психологической разведки...

Таким вот несколько необычным образом я переключил себя с грустной ноты воспоминаний на более мажорную. Имею на то весьма весомые основания, потому что для меня (и не только, разумеется, для меня) Ефим Израилевич был (и остается), помимо его эрудиции, его профессиональной компетенции, его нацеленности на постоянный поиск новых путей развития нашей науки (он, в частности, еще тогда установил стационарную связь и организовал продуктивное сотрудничество с Институтом кибернетики в области новых информационных технологий), помимо многовекторного сотрудничества со специалистами из разных регионов и стран, помимо всего этого, был (и остается) как человек, как творческая личность шутником и юмористом в самом прямом и позитивном смысле этих слов. Даже в не самые лучшие дни и годы перестройки Е.И. (а для меня – и это почетно – Фима) находил для анализа и характеристики какие-то слова, фразы, которые своеобразно нейтрализовали негатив, уныние, порождаемые реалиями наступившей повседневности. При этом Фима не ограничивал себя сухими, банальными научными терминами, а адекватно использовал, как, кстати, и наш общий друг В. В. Давыдов, слова и термины, по оплошности не

включенные В. Далем в его богатейший словарь русского языка...

Вот почему, в частности, я и сделал во вступлении такой акцент – на своего рода псевдониме Е. И. Машибица. Чтобы лишний раз показать живую натуру живого человека, ученого не в дурацком нобелевском фраке и при бабочке, а того ученого, который не был чьим-то резидентом, а своим, а потому и достойным откровенности, среди обычного народа, и «простых» людей постигает загадки и тайны нашей все еще девственной психологии.

Вот почему я и предложил в книгу, посвященную Е. И., фрагмент моего исследования (поэтической психологии), связанный, в частности, с такой малоизученной сферой, как сфера повседневной реальной, минующей большие театры и гранд-опера, лирики. Лирики, в которой запечатлена самая что ни на есть живая психология, живая жизнь, которую Е. И. знал и понимал не меньше, чем труды Рубинштейна, Костюка, Гальперина и Брунера...

Продолжая эту последнюю фразу, должен все же добавить, с моей точки зрения, быть может главное в Е.И. Зналиши его, наверняка помнят, что в ходе различных обсуждений, когда речь заходила в частности о, скажем так, спорности, недостатках какой-либо научной работы, ну может быть слишком уж удачного исследования, диссертации, Ефим Израилевич любил говорить, как бы резюмируя:

– Главное, чтобы человек (автор) был хороший.

В этой возможно на первый поверхностный взгляд не очень уж экзотической фразе, на самом деле содержится своего рода квинтэссенция психологической (и не только психологической, но и моральной, нравственной, этической, в конце концов философской) оценки самого человека, его главного составляющего – быть ХОРОШИМ по сути, в своих проявлениях деятельности, общения, быта... В этой фразе самая настоящая мудрость, столь дефицитная во все времена, а особенно в наши годы хронических перестроек...

Поэтому я и позволю себе заключить о самом Ефиме Израилевиче:

– Е.И. Машбиц – выдающийся исследователь, психолог и педагог однозначно творческого профиля, а ГЛАВНОЕ – ОН ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК. А хорошие люди остаются в нашей памяти навсегда.

УДК 159.92

Моляко В. А.

Київ

Институт психології імені Г.С. Костюка

НАПН України

«УЛИЧНЫЙ» ВЕКТОР ВОСПРИЯТИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В наиболее распространенных подходах к анализу поэтического отражения разномасштабных картин мира (от микромира собственного Я и личной экологической ниши до фресок дантевского Ада и Рая) исследователи опираются прежде всего на так называемую классику – произведения Шекспира, Гете, Рильке, Пушкина, Лермонтова, Блока, Цветаевой, менее «именитых», но известных поэтов (Заболоцкого, Твардовского, Мартынова, Винокурова, Глушковой и целого ряда других). Это, в общем-то понятно, поскольку издавна считается со всеми на то основаниями, что окружающий мир лучше и полнее всего могли отразить и отражали именно талантливые и гениальные служители Музы. Но это вовсе не должно означать, что «простым гражданам» не позволено было во все времена этот же самый мир представлять во всем его многообразии без особых претензий на великосветское признание и тем более получение нобелевских и каких-либо иных премий. И, что отрадно, «простые граждане» своим правом пользовались и, скажу без всякого преувеличения, достигали успехов и признания в народе на всех уровнях гораздо большего, чем самые популярные в свое время Игорь Северянин и Евгений Евтушенко. Да, ту же «Мурку» не